

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/24/12

М.В. Сидоренко

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются отдельные акты Конституционного Суда Российской Федерации, правовыми позициями которого не столько раскрыта конституционная суть отдельных норм института реабилитации в уголовном судопроизводстве России, сколько созданы серьезные препятствия к удовлетворению требований реабилитированного о максимальном возмещении вреда, связанного с незаконным уголовным преследованием.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, расходы на представителя, правовые позиции, разумность и справедливость.

Одним из наиболее проблемных моментов в реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве России является вопрос о порядке и основаниях возмещения вреда, связанного с незаконным уголовным преследованием реабилитированного и сутью его материальных требований к государству. При этом дополнительную и достаточно весомую коллизионность к этим моментам придали отдельные акты Конституционного Суда Российской Федерации, которые, на наш взгляд, не столько разъяснили конституционный смысл отдельных норм этого института, сколько создали серьезные препятствия к удовлетворению требований реабилитированного о максимальном возмещении вреда, связанного с незаконным уголовным преследованием.

Так, не соответствующими букве и духу закона видятся правовые позиции, изложенные в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1057-О [1. С. 178]. По смыслу последних расходы на оплату услуг представителя (по делам частного обвинения. – М.С.) не относятся к числу легитимных процессуальных издержек, а должны расцениваться как вред, причиненный лицу в результате незаконного уголовного преследования. Соответственно, эти расходы – отмечает орган конституционного правосудия – могут быть взысканы заинтересованными лицами лишь на основании и в порядке, предусмотренном ст. 1064 ГК РФ.

Оценивая эту позицию высшего органа конституционного правосудия, мы не можем признать ее законной и обоснованной. Речь, как видим, идет о незаконном уголовном преследовании и соответственно о возмещении реабилитированному лицу, в отношении которого это уголовное преследование осуществлялось незаконно, материальных расходов на представителя. В качестве последнего, по смыслу закона, может выступать как адвокат, так и на судебных стадиях процесса любое лицо, которое было допущено в качестве защитника (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Поскольку речь идет

именно о возмещении, связанном с незаконным уголовным преследованием, применению подлежат специальные нормы института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), а не нормы закона, определяющие состав процессуальных издержек по делу.

Последние действительно не указывают на возможность возмещения указанных расходов по делу частного обвинения (ч. 1, 2 ст. 131 УПК РФ). Нормы института реабилитации, напротив, однозначны в этом вопросе, прямо предусматривая возмещение имущественного вреда, в том числе сумм, выплаченных «...за оказание юридической помощи» (п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Однозначность последней нормы не связывает оказание указанной помощи с обращением реабилитированного исключительно к адвокату, речь идет в целом о расходах «...за оказание юридической помощи». Во-вторых, достаточно ясен и исходный посыл законодательной воли: эти расходы возмещаются в порядке публичного института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), а не по правилам гражданского судопроизводства с принципиально иным распределением бремени доказывания и возложением иных обременений на заинтересованного (в нашем случае – реабилитированного) истца.

Складывается впечатление, что подменяя волю законодателя своим пониманием его «истинной» сущности, Конституционный Суд Российской Федерации не принимает во внимание ни правовые последствия сформулированных им «толкований», ни принципиальные различия в порядке и средствах доказывания предмета и оснований иска в уголовном и гражданском процессе, ни достаточно известные материальные и процессуальные затруднения заинтересованных лиц в отстаивании своего интереса в «рекомендуемом» гражданском процессуальном порядке. Как следствие, трудно признать, что исследуемое «разъяснение-норма» находится в согласии с общими целями и назначением права, как они сформулированы в нормах ст. 2 Конституции Российской Федерации.

В том же неоднозначном контексте Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил «истинный» порядок возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание квалифицированной юридической помощи. Предметом коллизии, напомним, явился вопрос о возмещении в порядке института реабилитации сумм, выплаченных защитнику обвиняемого за оказание юридической помощи, при условии, что сам обвиняемый ввиду содержания под стражей был не в состоянии самостоятельно пригласить указанного защитника. Соответственно договор с адвокатом заключал один из близких родственников, и материальные расходы за оказание юридической помощи он также вносил из собственных средств.

Первоначально, не усматривая особой проблемы в этом вопросе, ответ сформулировал Верховный Суд Российской Федерации. Не усматривая принципиальной разницы в субъекте заключения договора об оказании юридической помощи, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации сформулировала вывод о том, что возмещение указанных сумм охватывается нормативными предписаниями гл. 18 УПК РФ, и иное разрешение вопроса о процессуальных издержках не основано на

законе. Особо подчеркнем, прецедент был предложен как эталон применения права, в силу чего нашел свое отражение в официальном обзоре кассационной практики, утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации [2].

Казалось бы, проблема была разрешена. Однако еще через два года этот же вопрос стал предметом исследования в высшем органе конституционного правосудия [3]. Последний, не считая целесообразным разрешать этот вопрос в итоговом постановлении, тем не менее сформулировал принципиально иные правовые позиции в своем определении. Согласно последнему «...если договор об оказании юридической помощи был заключен не самим реабилитированным, а его родственником, право на возмещение вреда возникает, но реализовано оно может быть в порядке гражданского судопроизводства, с учетом положений ст. 1070 ГК РФ» [4. С. 26].

Еще два года спустя Конституционный Суд Российской Федерации, осуществив еще более глубокое познание как норм института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), так и норм, гарантирующих оказание квалифицированной юридической помощи, вынес по указанному вопросу очередное определение [5], содержащее более качественное «наполнение» ранее высказанных правовых подходов.

Было отмечено: суммы, выплаченные за оказание юридической помощи близкими родственниками лица, задержанного или помещенного под стражу, подлежат возмещению реабилитированному (в порядке гл. 18 УПК РФ. – М.С.) только в том случае, если эти суммы были внесены близкими родственниками: а) по поручению обвиняемого; б) из его личных средств либо в) уплачены с согласия обвиняемого, с условием последующего их возмещения близким родственникам непосредственно реабилитированным лицом [6. С. 42].

Естественно, в тех практических ситуациях, когда реабилитированному не удастся достоверно доказать, что близкие родственники действовали по его поручению; что перед задержанием (заключением под стражу) он оставил достаточно средств для выбора «нужного» адвоката; что он изначально обещал все и всем возместить, право на возмещение имущественного вреда также возникает. Но, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, реализовано оно может быть лишь в порядке гражданского судопроизводства с учетом норм ст. 1070 ГК РФ. Отсюда и морально-правовые векторы предложенных итоговых выводов: к задержанию (заключению под стражу) надо готовиться заранее, причем и материально, и «документально» (в контексте необходимых поручений, расписок, «инструктажа» близких родственников и т.п.).

Аналогично «заботился» Конституционный Суд Российской Федерации и материальным аспектом производства указанных выплат. В Определении от 2 апреля 2015 г. № 708-О он формирует правовые позиции, согласно которым фактические и документально подтвержденные расходы, выплаченные доверителем адвокату за оказание квалифицированной юридической помощи, не являются императивом для суда, окончательно решающего вопрос о размере имущественных выплат в порядке гл. 18 УПК РФ. По смыслу предложенных правовых позиций «...если судом будет

установлено (на основании документов, заключений экспертов, специалистов), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена *действительной* (выделено мною. – М.С.) стоимостью юридических услуг в пределах, существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся, ...объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи» [7].

Обоснование цитируемого в критериях разумности и справедливости указанных выплат (налицо конвенциональные аналоги норм ст. 333 ГК РФ). Однако в столь явной «заботе» о государственном интересе высший орган конституционного правосудия в принципе не задается вопросом о достоверных критериях *действительной* стоимости юридических услуг. К примеру, услуг, оказываемых весьма известными московскими адвокатами, и адвокатами, практикующими на периферии. Закономерен также вопрос: суд, разрешающий вопрос о компенсационных выплатах в порядке института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), должен вдаваться в *достоверную* «стоимостную оценку» того или иного представителя юридического сообщества России (адвоката), или указанное не отнесено к дискреционному усмотрению суда, принимающему решение о размерах окончательных выплат. В зависимости от варианта ответа указанное либо достаточно серьезный коррупциогенный фактор российского правосудия, либо будет поставлено в зависимость от наличия сугубо личностных факторов (в отношении «судья – адвокат»), что есть фактически тождество первому.

Подчеркнем, судебная практика с редким одобрением восприняла векторы указанных новаций. К примеру, апелляционным постановлением Московского городского суда от 7 августа 2013 г. № 10-7214/2013, с учетом критериев разумности и справедливости, кардинально снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 до 2 млн 266 тыс. рублей. В обоснование указанного решения суд общей юрисдикции привел следующее:

«согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью уголовно-процессуального законодательства РФ. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены УПК РФ, то применяются правила международного договора;

согласно ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. при определении размера компенсации причиненного лицу имущественного ущерба применяется принцип справедливости возмещения¹; отсюда, с учетом общепризнанного и международного принципа разумности

¹ На наш взгляд, указанный довод искусственно «вырван» судом из общего контекста цитируемой Конвенции, где речь идет о принципе справедливости и соразмерности возмещения, присуждаемого (по итогам рассмотрения жалобы заявителя) именно ЕСПЧ, в случае доказанности нарушения государством-ответчиком положений Конвенции. Российский суд, напротив, пытается субъективно интерпретировать данную норму к совершенно иному процессуальному институту с иным правовым регулированием.

и справедливости суд удовлетворил указанное требование реабилитированного К. частично» [6. С. 43–44].

По идее все вроде бы легитимно. Тем более, что суд апеллирует к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 2 марта 2010 г. № 5-П. Согласно последним суд, принимая решение о максимально возможном возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, руководствуется как положениями ч. 1 ст. 135 УПК РФ, так и иными положениями законодательства, устанавливающими общие правила определения размера возмещения вреда. Нормы Конвенции в указанном случае, по мнению суда общей юрисдикции, и есть искомые («...иные положения»!) уголовно-процессуального законодательства, позволяющие «правомерно» снизить документально подтвержденные расходы на адвоката.

Однако правомерность этого «нормативного» базиса может быть подвергнута сомнению. Во-первых, в силу того, что как в актах конституционного правосудия, так и непосредственно в нормах УПК РФ речь идет о правилах именно «...максимально возможного возмещения вреда» по нормам национального законодательства и аналогам международных правовых актов, а не о критериях «справедливого» и «разумного», как пытается интерпретировать суд. Во-вторых, не менее известны правовые позиции (как Верховного Суда Российской Федерации [8], так и высшего органа конституционного правосудия), согласно которым если национальное законодательство содержит более высокие стандарты правовой (в том числе судебной) защиты, то нормы международно-правового характера не имеют приоритета [9. С. 349–358].

Если принять во внимание, что нормы ч. 1 ст. 133 УПК РФ, однозначно закрепляющие принцип максимально полного возмещения вреда реабилитированному, содержат более высокие стандарты судебной защиты по сравнению с (...так удачно «примененными») актами Европейского суда по правам человека, то именно они подлежат применению. Тем не менее, как свидетельствуют доктрина российского уголовно-процессуального права и обзоры текущей судебной практики, в последнее время все более формируются принципиально иные публично-правовые тенденции по минимизации возможных расходов и выплат государства с позиций субъективной (читай – публичной) «разумности» [6. С. 43–44].

Литература

1. Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 703 с.

2. *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2010 г. № 78-О10-9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8. С. 37.

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузьмина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 665-О // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=276042#0> (дата обращения: 03.03.2017).

4. *Михеенкова М.А.* Вопросы реабилитации в разъяснениях высших судов России и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 22–27.

5. *По жалобе* гражданина Келяева Ислама Абдулжалиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 290-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 3.

6. *Кузнецова А.Д.* Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 42–45.

7. *По запросу* Сюзинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

8. *О применении* судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 // Рос. газета. 2013. 5 июля. № 145.

9. *Семенова М.В.* Правовые позиции высших судебных органов РФ по вопросам применения международных стандартов защиты прав человека // Изв. Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2010. № 1–2. С. 349–358.

Sidorenko Maria V. Moscow Institute of state management and law (Moscow, Russian Federation)

INDEMNIFICATION IN THE SYSTEM OF INSTITUTE OF REHABILITATION AND LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: rehabilitation, recovery of compensation for harm, attorney fees, legal positions, reasonableness and fairness.

Topicality of the research is caused by gaps and contradictions in a standard regulation of institute of rehabilitation in criminal legal proceedings of Russia (Chapter 18 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation), and by serious collisions in practice of realization of this institute that are actually negating its powerful social and legal value.

The analysis of constitutional justice acts and final decisions of the courts of general jurisdiction on the results of consideration of requirements of interested persons about indemnification (recovery of compensation for harm) caused by illegal criminal prosecution led the author to the following conclusions. The subject of the above collision involves, firstly, cardinal distinction of approaches of the Russian doctrine, acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and court practice in defining the very core of legal expenses on the representative in cases when a private person initiates criminal proceedings. Behind the latter the character of legitimate procedural costs is, as a rule, denied owing to what they are regarded as the harm done to the person in consequence of illegal criminal prosecution, that is subject to compensation in the order provided for in Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation. While analyzing the legal grounds of compensation of this type of material expenses of a rehabilitated person, the author proves an inaccuracy of both legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the developing practice of similar compensation. It is stated that since we speak about the compensation connected with illegal criminal prosecution, it is necessary to apply special norms of the institute of rehabilitation (Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), but not the provisions of law defining the structure of procedural costs in a given case.

Secondly, the question of the order and the size of reimbursement to a rehabilitated person, who paid for rendering a qualified legal aid, proves to be a contentious one. Critically estimating the legal positions of the supreme body of constitutional justice and acts of the highest judicial authorities of Russia, the author refuses flatly to recognize the legitimacy of the order in which courts subjectively and very cardinally reduce the size of the sums of compensations based on subjectively understood "justice" and "proportionality".

A practical and scientific importance of the author's conclusions is that legal substantiation of the author's approaches to settlement of the above collisions, firstly, allows removing artificial

contradictions in understanding of the essence and social purpose of the institute of rehabilitation in criminal procedure of Russia. Secondly, the same approaches can and have to be accepted as a basis for possible explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and for a procedural form of acts of administration of justice, the subject of which is a material component of the institute of rehabilitation and ensuring the maximum judicial protection of interested persons.

References

1. Enikeev, Z.D., Vasilieva, E.G., Shageeva, R.M. & Ezhova, E.V. (2014) *Voprosy ugolovno sudoproizvodstva v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Criminal justice in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
2. Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Opreделение Sudebnoy kollegii po ugovolnym delam Verkhovnoy Suda RF ot 18 fevralya 2010 g. № 78-O10-9* [Decision No. 78-O10-9 of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 18, 2010]. *Byulleten' Verkhovnoy Suda Rossiyskoy Federatsii*. 8. pp. 37.
3. Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *On refusal to accept the complaint of citizen Kuzmin Konstantin Aleksandrovich about violation of his constitutional rights by Clause 4 of Part 1 of Article 135 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decision No. 665-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 11, 2012*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=276042#0>. (Accessed: 3rd March 2017). (In Russian).
4. Mikheenkova, M.A. (2014) *Voprosy reabilitatsii v raz'yasneniyakh vysshikh sudov Rossii i ESPCh* [Rehabilitation explained by the Higher courts of Russia and the ECHR]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 22–27.
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2015a) *On the complaint of the citizen Kelyaev Islam Abdulzhalovich about violation of his constitutional rights by Paragraph 4 of Part 1 of Article 135 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decision No. 290-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2015*. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 3. (In Russian).
6. Kuznetsova, A.D. (2016) *The problem of compensation to the rehabilitated person for property damage in the form of fees paid for legal aid. Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 42–45. (In Russian).
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2015b) *At the request of the Syumsinsky District Court of the Udmurt Republic on verification of the constitutionality of the provisions of Article 135, Part 1, Paragraphs 4 and 5, of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decision No. 708-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 2, 2015*. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 4. (In Russian).
8. Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Application by the courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and its Protocols: Decree No. 21 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013*. *Rossiskaya gazeta*. 5th July. (In Russian).
9. Semenova, M.V. (2010) *Pravovye pozitsii vysshikh sudebnykh organov RF po voprosam primeneniya mezhdunarodnykh standartov zashchity prav cheloveka* [Legal positions of the highest judicial bodies of the Russian Federation on the application of international standards for the protection of human rights]. *Izv. Tul'skogo gos. un-ta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1–2. pp. 349–358.